

Узел был затянут намертво — когда-то они говорили, что больше никогда его не развяжут. Цяо Юаньлинь забрал его из рук Лян Чэна и сказал:

— Если нравится, оставь себе.

Лян Чэн ответил:

— Хорошо.

Цяо Юаньлинь на мгновение замер, а придя в себя, самокритично усмехнулся. Он снял кольцо вместе с узлом спокойствия, обошел Лян Чэна со спины:

— Я положу его тебе в рюкзак.

Застегнув молнию, он первым вышел за дверь:

— Брат, я пойду поймаю тебе такси.

Лян Чэн не успел и рта открыть, как этот обычно медлительный парень уже выбежал во двор. Попрощавшись, Лян Чэн стал спускаться по ступенькам. Провожавшая его Ван Жуйчжи вдруг тяжело вздохнула.

Начиная со стычки на лестничном пролете и заканчивая ночью вне дома и последующим расторжением аренды с переездом — пожилая женщина не спросила его ни о чем. Живя в одном доме, Лян Чэн догадывался, что она, должно быть, понимает, что произошло. Он остановился, ожидая напутственных слов от Ван Жуйчжи.

— Мы прожили бок о бок полгода, не сказать, что это великая судьба, но все же спасибо за твою постоянную помощь во всех делах, больших и малых, — произнесла Ван Жуйчжи. — В прошлый раз, когда ты уходил, я приняла его сторону и не стала тебя удерживать. В этот раз я не буду ему потакать. Счастливого пути.

Лян Чэн кивнул и ответил:

— Берегите себя.

Ван Жуйчжи продолжила:

— Юаньлинь ужасно злопамятен. Если в первом классе его кто-то обозвал, он и к выпуску из начальной школы этого не забыл, даже отказался писать пожелания в выпускном альбоме. Но и добро он помнит так же крепко. Стоило торговцу чайными яйцами выбрать для него яйцо покрупнее, как он больше ни у кого другого их не покупал — даже после переезда делал крюк, лишь бы дойти до той лавки.

Лян Чэн легко мог себе это представить и невольно улыбнулся.

— Ты спас ему жизнь, и он помнил об этом три года, — сказала Ван Жуйчжи. — Ты заставил его познать и радость, и боль. Теперь, когда ты уезжаешь, он, пожалуй, будет тосковать по тебе всю оставшуюся жизнь.

Неужели человеку с пороком сердца, с рождения обреченному на бесчисленные сожаления, придется нести в душе еще одну незаживающую рану? На тыльной стороне ладони вздулись вены; Лян Чэн крепче сжал ручку чемодана и произнес:

— Он смирится.

У входа в переулок стояло такси с открытым багажником. Водитель взял чемодан Лян Чэна и уложил внутрь. Но не успел Лян Чэн сесть в салон, как к нему со всех ног бросилась маленькая фигурка.

Сяо Лэ, весь мокрый от пота, с разбегу обхватил ногу Лян Чэна и сквозь слезы закричал:

— Брат Лян Чэн, ты уезжаешь?

— Да, — по-прежнему холодно ответил Лян Чэн.

— Почему? Я не хочу, чтобы ты уезжал! — горько расплакался Сяо Лэ, слезы градом катились по его лицу. — Ты из-за того, что я глупый?.. Я буду прилежно учиться...

Цяо Юаньлинь присел на корточки и мягко оттащил Сяо Лэ. Не в силах видеть его слезы, он стал успокаивать мальчика:

— У тебя все еще есть брат Сяо Цяо. Не плачь, ты же мужчина. В жизни всегда приходится расставаться.

Сяо Лэ замотал головой:

— Я не понимаю... — Он повернулся к Цяо Юаньлиню и взмолился: — Брат Сяо Цяо, попроси брата Лян Чэна не уезжать!

Цяо Юаньлинь ответил:

— Я не могу этого сделать.

Сяо Лэ со слезами на глазах спросил:

— Почему? Разве ты сам не хочешь, чтобы он остался?

Цяо Юаньлинь на мгновение опустил глаза, а затем поднял их и с открытой улыбкой ответил:

— Если брату Лян Чэну будет лучше в другом месте, я буду только рад за него.

Лян Чэн сел в машину, и Цяо Юаньлинь забрался следом за ним. Лян Чэн сказал, что провожать его не нужно, но Цяо Юаньлинь просто надел наушники, проигнорировав его слова. Машина тронулась, и испещренные царапинами столбы электропередач в боковом зеркале превратились в тонкие линии.

Атмосфера в салоне была удушающей. Водитель попытался завязать разговор:

— Путешествовать едете? Вот достроят курортный остров в Линхае, и в Пинхай станет приезжать еще больше туристов.

Стояло лето, и на вокзале было многолюдно. Лян Чэн вышел из машины, чтобы забрать билет, и, обернувшись, увидел, что Цяо Юаньлинь идет следом и достает удостоверение личности.

Пока они стояли в очереди к терминалу самообслуживания, Цяо Юаньлинь сходил к кассе и купил перронный билет. Опасаясь, что Лян Чэн прогонит его, он спрятал билет, но тот ничего не сказал.

В зале ожидания яблоку негде было упасть, и лишь спустя какое-то время им удалось найти два свободных места. Лян Чэн сел и взглянул на табло с расписанием посадки.

Цяо Юаньлинь от скуки листал что-то в телефоне, когда ему пришло сообщение в WeChat от Тянь Юя: «Юань-шэнь, меня заблокировал ассистент Лян. Спроси у него, пожалуйста, почему?»

Тут же пришло сообщение от Дуань Сыцуня, который только что узнал новости: «Цяо Юаньлинь, ты знаешь, что Лян Чэн уволился? Что стряслось?»

Он слегка опешил, открыл список участников классного чата и увидел, что Лян Чэн вышел из группы — судя по всему, он удалил контакты вообще всех. Цяо Юаньлинь перешел в профиль Лян Чэна и в растерянности замер, глядя на строку ввода.

— Брат, — спросил он. — Ты меня удалил?

Лян Чэн ответил:

— Да.

Цяо Юаньлинь погасил экран телефона:

— А как же мне связаться с тобой, если понадобится?

Лян Чэн безразлично ответил:

— В этом больше нет необходимости.

Цяо Юаньлинь выдавил улыбку и уставился на ряды сувенирных лавок. Поднявшись, он направился туда и накупил всякой всячины в дорогу. Вернувшись, он привязал пакет со снеками к ручке чемодана:

— Перекусишь в пути.

Лян Чэн встал и добавил:

— Номер телефона я тоже удалил.

Цяо Юаньлинь продолжал натянуто улыбаться, хотя у него уже ломило скулы. В зале ожидания объявили посадку, и он тут же произнес:

— Давай встанем в очередь.

Уезжал Лян Чэн, но Цяо Юаньлинь шел впереди. Миновав турникеты, толпа рассеялась, и он, сжимая в руке билет, дающий право лишь на проводы, смешался с людским потоком.

На просторной платформе суетились пассажиры. У дверей вагона Лян Чэн остановился и сказал:

— На этом все. Возвращайся домой.

Цяо Юаньлинь послушно замер. Думать, будто он в одиночку может подарить Лян Чэну спокойную жизнь, было верхом наивности. И все же его желание осталось прежним. Он спросил:

— Обоснуешься в Пекине, когда приедешь?

Лян Чэн ответил:

— Это тебя не касается. Перестань обо мне беспокоиться.

Верно, теперь он ему даже не арендодатель, и его навязчивая забота никому не нужна. Патрульный проводник случайно задел Цяо Юаньлиня плечом, заставив отступить на полшага назад, и в это мгновение он почувствовал, как бесконечно далек от него Лян Чэн.

Лян Чэн не сказал ни «прощай», ни «до встречи». Он уходил решительно и бесповоротно.

Всю ночь он просидел, сжавшись в углу кровати и мысленно готовя себя к этому. С самого спуска по лестнице он натужно выдавливал из себя улыбку. Стиснув зубы, провожал его до вокзала и зала ожидания, а когда эмоции едва не вырвались наружу, бросился в магазин. В очереди он не смел идти сзади, боясь, что Лян Чэн обернется и увидит его скорбное лицо, испугавшись, что вцепится в его одежду и выкрикнет все, что на душе.

Не уезжай... В этот момент он вел себя куда более жалко, чем Сяо Лэ.

Среди бурного потока людей Цяо Юаньлинь окончательно сломался. Поддавшись панике, в ту секунду, когда Лян Чэн уже собирался повернуться, он мертвой хваткой вцепился в его руку.

— Брат, — он сбросил свою жалкую маску, в его голосе осталась лишь мольба. — Ты вернешься когда-нибудь в Пинхай?

Лян Чэн расправил хмурые брови, лицо его вновь приняло выражение нетерпения. Он произнес:

— Я ненавижу это место. И больше никогда сюда не вернусь.

Цяо Юаньлинь спросил:

— Неужели для тебя здесь нет вообще ничего дорогого, кроме плохих воспоминаний?

— По ком мне скучать? — возразил Лян Чэн. — По отсидевшим друзьям? По учителям и одноклассникам из Седьмой школы? Или по тебе? На что ты вообще надеешься?

Цяо Юаньлинь отчаянно замотал головой. Лян Чэн был для него воздушным змеем, нить от которого невозможно удержать, птицей, пролетевшей мимо на пароме. Но зарождающееся чувство разрослось безгранично, смешавшись с тайным желанием. Его нельзя было ни искоренить, ни сжечь дотла. Ему нужно было лишь сохранить крошечную надежду.

Совсем крошечную — размером с ту пуговицу трехлетней давности.

Собрав последние крохи мужества и гордости, Цяо Юаньлинь дрожащим голосом спросил:

— Чувствуешь ли ты ко мне... хотя бы самую малость симпатии?

В покрасневших глазах Цяо Юаньлиня стояли слезы, в глубине бушевал океан чувств. Лян Чэн изо всех сил сдерживал себя. Он глухо произнес:

— Скажу тебе в последний раз: я никогда тебя не люблю.

Цяо Юаньлинь в оцепенении разжал пальцы.

Но Лян Чэн перехватил его руку и резко притянул к себе. Столкнувшись грудью, он крепко обнял его.

Прохожие проплывали мимо, словно дымка. Лян Чэн прильнул губами к мочке уха Цяо Юаньлиня, почти целуя ее, прикрыл глаза и прошептал:

— Знаешь... я спас тебя в тот самый день, когда совершил убийство.

Все мысли в один миг испарились. Цяо Юаньлинь задрожал всем телом:

— Что?..

Лян Чэн заговорил с безжалостностью палача:

— Цяо Юаньлинь, слушай меня внимательно. Я никогда не смогу полюбить тебя, потому что один твой вид напоминает мне о грехе, совершенном в тот день.

Цяо Юаньлинь застыл на перроне, опустошенный и раздавленный этой правдой, словно его подвергли мучительной казни. Внутри него осталась лишь безжизненная оболочка. Лян Чэн отпустил его и исчез в пелене расплывающегося перед глазами мира.

На исходе лета он дрожал от холода, а по его щекам текли холодные струйки слез, делая его похожим на нелепую шутку.

Войдя в вагон, Лян Чэн отыскивал свое место у окна, но даже не взглянул на улицу. Он сидел, опустив глаза, так сильно стиснув зубы и сжав губы, что те едва не кровоточили.

Двери закрылись, и состав плавно тронулся с места.

Лян Чэн расстегнул внешний карман рюкзака и вытащил узел спокойствия. На кольце он обнаружил свернутую записку. Развернув ее, он увидел аккуратный почерк Цяо Юаньлиня:

«Лян Чэн, ты обязательно должен оказаться в самом лучшем месте».

На опустевшем перроне, словно очнувшись от тяжелого сна, Цяо Юаньлинь прошептал, слабо помахав рукой:

— А я забуду тебя без остатка.

Такси выехало на улицу Чанлинь и плавно затормозило перед переулком Ваньпин, но Цяо Юаньлинь так и не вышел из машины.

<http://bllate.org/book/18284/1753059>